

- Дань, ты чего?
- Не понял?
- Ты чего так пялишься на эту тетку?
- Данила улыбнулся невесте.
- Ни на кого я не пялюсь. Просто задумался.
- О чем?
- Да не о чем, а о ком.
- И о ком же? — кокетливо спросила Илона.
- О тебе, понятное дело! А ты что, ревнуешь?
- Еще как! Но, конечно, не к этой тетке!
- А по-моему, она вовсе не тетка.
- А кто?
- Дама. Элегантная дама! В возрасте! — добавил он.
- Илона улыбнулась.
- Ну то-то же!
- Но Данила лукавил. Он глаз не мог оторвать от лица этой женщины. А про возраст сказал,

просто чтобы двадцатидвухлетняя Илона успокоилась. Женщине было хорошо за тридцать. Смуглая кожа, огромные глаза, чувственный рот и устало-отрешенное выражение лица. Интересно, какого цвета у нее глаза? Наверное, зеленые. Отсюда не видно. И еще поразительной красоты руки с крупными кольцами. Она медленно пила кофе из большой чашки и лениво ковыряла ложечкой какой-то десерт. Ждет кого-то?

— Дань, я пойду на минутку...

— Иди, только недолго, а то я соскучусь.

Боже, какая женщина! Обручального кольца не видно. Она почувствовала его взгляд, подняла свои фантастические глаза, оказалось, синие, и едва заметно улыбнулась. Не ему, нет. Да я ей триста лет не нужен. А я бы за такую в огонь и в воду. Интересно, какие у нее волосы? На женщине была какая-то сложная повязка, с крупным узлом возле левого уха. Но вот она посмотрела на часы, достала телефон, набрала номер.

— Алло! Иосиф Маркович? Добрый день, это Ариадна.

От ее голоса у него занялось дыхание. Ее зовут Ариадна! Как ей идет это имя.

— Опять пялишься? — раздался веселый голосок Илоны.

О чем Ариадна говорила с Иосифом Марковичем, он уже не слышал.

— Данька, а ты будешь меня презирать, если я закажу мороженое?

— Да! Я оболую тебя презрением! Но чтобы ты не страдала от моего презрения, закажу себе тирамису!

— Данька, я тебя обожаю!

— Взаимно, девушка!

К Ариадне подошел официант, она расплатилась с ним и встала. Данила удивился, она оказалась среднего роста. А он думал — она высокая.

— Стильная штучка, — заметила Илона.

— Ты находишь?

— Да! Каблуки бы чуть повыше. Хотя в ее возрасте уже тяжеловато...

Волна глухого раздражения захлестнула Данилу. Но он сдержался.

Женщина ушла. Чувство невозвратимой потери сдавило сердце. Как мимолетное виденье, как гений чистой красоты...

Илона с удовольствием уписывала мороженое.

Я ее не люблю, отчетливо прозвучало в голове у Данилы. Он испугался этой мысли — через два месяца предстояла свадьба. Не гони коней, сказал он себе. Илона отличная девчонка, она меня любит, и вообще... Ей двадцать два, она красотка,

вроде бы неглупая, вполне хозяйственная, мама ее одобряет. А эта... Надо же, Ариадна... Эту Ариадну я, скорее всего, никогда больше не увижу. Если бы я был художником, я бы писал ее портреты, много портретов, разных... Интересно, зачем на голове у нее эта повязка? Волосы плохие? Или облысела после химиотерапии? Фу, что за мысли! Или я защищаюсь от впечатления, которое произвела на меня эта Ариадна? Похоже на то. На такую женщину никогда не надоест смотреть. И голос ее слышать тоже... Да ладно, Данила, это как в кино — увидел какую-то немыслимую красавицу и стал ее фанатом. Но жить это ведь не мешает. Да и забудется она дня через два.

— Данька, как твое тирамису?

— Что? — очнулся он. — Тирамису? Да не очень. Бывает лучше. Ну что, попросим счет?

— Конечно!

Дни шли, а женщина из кафе не забывалась. Ее лицо, отрешенная улыбка буквально преследовали его. С этим надо что-то делать. Но что? Искать иголку в стоге сена? Время лечит, просто курс лечения может быть более длительным. Раза два он заезжал в то кафе в надежде, что она там завсегда, но тщетно.

Навалились дела, командировка в Сирию, а там уж было не до прекрасных незнакомок. А когда он вернулся, Илона закатила ему истерику.

— Ты не должен! Ты не смеешь! Там так опасно! Я ни спать не могла, ни есть! Даяня, если ты меня любишь, умоляю, перейди на другую работу! Хорошие журналисты везде нужны! У меня же минуты спокойной не будет! А если у нас ребеночек родится? Беременным нельзя волноваться!

— Ты разве беременна?

— Пока нет, но мы же поженимся, и тогда...

— И тогда, ты полагаешь, я пойду работать в глянцево́й журнал, писать отчеты о светских вечеринках? Так это тоже небезопасно. Знаешь, я однажды слышал, как рычал Никита Джигурда. По мне, так разрывы снарядов и то благозвучнее.

— Вечно ты все сводишь к шутке, а я серьезно...

— Знаешь, я тоже серьезно. И имей в виду — я военный корреспондент, я люблю свою профессию, а если ты боишься волнений, так не будем жениться, ищи себе мужа, более приспособленного для твоего душевного комфорта.

Она заплакала. Его охватила тоска.

— Даяня, сейчас такое тревожное время...

— И что? По-твоему, я, молодой мужик, должен спрятаться под стол и держаться за твою юбку? Но я, возможно, через год-другой уже наиграюсь в войнушку и с кайфом буду вести какое-нибудь идиотское ток-шоу. А пока мне рано!

Он еще никогда не говорил с нею так жестко. Она испугалась.

— Хорошо, я понимаю. Ты, конечно, прав. Просто я так тебя люблю!

— Если любишь, запомни: на меня нельзя давить, я этого в принципе не приемлю. В принципе! А уж в том, что касается моей работы, тем более. Все. Закрыли тему.

Она испуганно на него взглянула. Он никогда еще так с нею не говорил.

— Данечка, я... Ты прости, я не собиралась на тебя давить, просто боюсь за тебя...

— Знаешь, мама тоже за меня боится, но...

— А тебе-то самому не бывает там страшно?

— Ну почему же... Бывает. Еще как! Но я уже не могу без этой работы. И знаешь, если бы я даже поддался на твои уговоры и сменил работу, ты бы меня через два месяца возненавидела. Я ведь могу быть поистине кошмарным типом, когда мне скучно, такое могу вытворить! Мало не покажется!

— Значит, тебе со мной скучно?